

Милль Джон Стюарт

**Система логики сочинение
Джона Стюарта Милля**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Д42

Д42 **Джон Стюарт М.**
Система логики сочинение Джона Стюарта Милля: Том 1 / Милль Джон
Стюарт – М.: Книга по Требованию, 2023. – 606 с.

ISBN 978-5-519-96530-9

Система логики сочинение Джона Стюарта Милля.

Перевод с 5-го дополненного лондонского издания, под редакцией и с примечаниями П. Л. Лаврова, Ф. Резенера.

ISBN 978-5-519-96530-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

образомъ. Конечно, не соразмѣряя своихъ силъ, онъ съ самаго начала задаетъ себѣ самый трудный вопросъ и ищетъ *естественную классификацію, естественную систему* всего сущаго, т. е. распределение предметовъ такъ, какъ они *въ самомъ дѣлѣ суть*. Главнѣйшія группы, на которыя онъ такимъ образомъ разбиваетъ все сущее, представляютъ ему основныя *категоріи*. Полная таблица категорій, соотвѣтствующихъ *вещамъ самимъ въ себѣ*, съ подраздѣленіемъ всего, въ нихъ входящаго, на второстепенныя, третьестепенныя и т. д. группы, даетъ *смыслъ всего сущаго, пониманіе всего сущаго, какъ оно есть, разумъ вещей*, — высшій вопросъ всякой философской системы. Но, въ то же время это, въ частности, необходимый вопросъ каждого спеціального знанія. Оно начинается съ *различенія* явленій, ихъ *классифицированія*, ихъ *сближенія*, и затѣмъ уже переходитъ къ *законамъ* этихъ явленій. Оно составляетъ свою таблицу категорій для частной области, и наука тогда бы лишь была способна замѣнить для человѣка философское построеніе, когда бы для всѣхъ областей знанія существовали стройныя таблицы категорій, и всѣ эти таблицы сведены были въ одну, всеобъемлющую, систематическую таблицу. Найти *смыслъ* вещей, *понять* вещи въ частной области, какъ во всемъ объемѣ сущаго, значить одно и то же: составить себѣ полную, точную и согласную съ тѣмъ, что въ самомъ дѣлѣ есть, таблицу категорій. Вся разница въ большемъ или меньшемъ участіи *творчества* въ этомъ составленіи; въ болѣе или менѣе ясномъ сознаніи *возможности* составить эту таблицу согласно тому, какъ вещи суть въ самомъ дѣлѣ.

Попытки подобнаго стремленія угадать *разумъ* всего сущаго такъ же древни, какъ человѣческіе языки. Корни и грамматическія формы — первыя безсознательныя группы, поставленныя человѣкомъ. Въ мѣтахъ и въ поэтическихъ произведеніяхъ эта дѣятельность безспорна. И долго люди передаютъ изъ рода въ родъ свою классификацію сущаго, или противопоставляютъ другъ другу свои различныя классификаціи, при чемъ новое поколѣніе или новая личность принимаетъ или выбираетъ ту или другую систему, потому что она древнѣе, патетичнѣе, красивѣе, потому, наконецъ, что она болѣе нравится.

Но является минута, когда какой-нибудь мозгъ вырабатываетъ

вопросъ: а почему же эта классификація лучше той? почему, вообще, существуют такія классификаціи, а не другія? *истинна* ли которая-либо изъ нихъ? — Первый вопросъ объ истинѣ классификаціи есть первое требованіе критики, и сейчасъ же раздвоится на два вопроса: какъ узнать, *правильно-ли* я думаю? какъ узнать, *что* истинно?

Какъ, выше, практическій вопросъ: *различать вещи*—велъ къ самому общему теоретическому вопросу: *найти смыслъ всего сущаго*, такъ и здѣсь, практическіе вопросы: *думать правильно* и *узнать вещи*—ведутъ къ двумъ теоретическимъ: *найти законы мышленія*, *найти законы знанія*.

Не трудно видѣть, что три теоретическіе вопроса, которые мы получили, въ своемъ развитіи переходятъ одинъ въ другой. Понятно, что въ *сущее* входитъ какъ сфера нашей *мысли*, такъ и сфера *познаваемого*, и, рѣшая первый вопросъ, мы, по пути, разрѣшимъ и остальные. Точно такъ же мы удобно убѣждаемся, что *смыслъ всего сущаго* намъ доступенъ только при посредствѣ нашей *мысли*, и внѣшніе предметы суть лишь опредѣленные группы впечатлѣній, представленій и понятій, такъ что *знать* ихъ мы можемъ лишь настолько, насколько знаемъ собственное *мышленіе*; слѣдовательно, рѣшая вопросъ о законахъ мышленія, мы рѣшаемъ и главнѣйшую часть остальныхъ двухъ вопросовъ. Наконецъ, опредѣлить законы познаваемого, это—отдѣлать то, что мы поняли, отъ того, что намъ остается еще понять въ средѣ сущаго, т. е. поставить одну изъ самыхъ важныхъ классификацій: доступнаго и недоступнаго знанію; истиннаго, вѣроятнаго и невозможнаго; это—опредѣлить законы мысли въ единственной практической ея сферѣ, въ сферѣ реального міра, и тѣмъ самымъ дать нашей мысли прочность процесса, не блуждающаго въ неопредѣленности, но рѣшающаго ясно поставленный вопросъ. Послѣдній вопросъ изъ трехъ выше поставленныхъ очевидно ведетъ къ рѣшенію и предшествующимъ.

Всѣ три они представляются какъ вопросы одной сферы, взаимно зависящіе одинъ отъ другаго, другъ друга обусловливающіе, хотя и различные по своей постановкѣ. Для наглядности можно бы это сравнить съ разсмотрѣніемъ какого-либо геометрическаго протяженія, не совмѣщающагося съ плоскостью, наприм. винтовой поверхности.

Понятіе объ этой поверхности, ея уравненіе и ея изображеніе на чертежѣ — три совершенно различные элемента, но находящіеся въ самой тѣсной связи между собою. Разборъ этихъ трехъ геометрическихъ понятій принадлежитъ тремъ различнымъ методамъ: геометріи древнихъ, геометріи аналитической и геометріи начертательной. Каждый изъ этихъ методовъ, въ окончательномъ результатѣ, *можетъ* дать оба остальные; но каждый имѣетъ и свои особенности, позволяющія разсматривать его отдѣльно отъ двухъ другихъ и представляющія большее удобство для рѣшенія однихъ вопросовъ однимъ методомъ, а другихъ — другимъ. Въ сущности же, эти различные элементы и методы представляютъ разныя стороны одной и той же науки — науки протяжшій, геометріи; и настоящій геометръ обращается безразлично къ тому или другому, смотря по надобности, при своихъ изслѣдованіяхъ, а въ систематическое построеніе науки вводитъ ихъ на равныхъ правахъ, замѣчая лишь ихъ различное историческое происхожденіе и различные предположенія, которыя дѣластъ тотъ или другой методъ. Последнее особенно важно, потому что эти предположенія вносятъ въ разсмотрѣніе вопроса своего рода особенности и своего рода затрудненія. Аналитическій способъ рѣшенія геометрическихъ вопросовъ предполагаетъ всѣ средства и приемы чистой математики, и требуетъ обращенія особеннаго вниманія на случаи, гдѣ аналитическое рѣшеніе не покрываетъ геометрическаго, не охватывая всѣ его случаи или внося въ разсматриваемый вопросъ элементы, не имѣющіе значенія для послѣдняго. Начертательный способъ предполагаетъ всѣ свойства проэкцій и требуетъ особеннаго вниманія въ томъ случаѣ, когда данныя плоскости проэкцій недостаточны. — Я остановился нѣсколько на этомъ примѣрѣ потому, что здѣсь, въ области безспорныхъ истинъ и точныхъ приѣмовъ, всего легче видѣть отношеніе между вопросами — конечно, тому, кто съ ними нѣсколько знакомъ. Само собою разумѣется, что приведенный примѣръ можетъ служить только для аналогіи съ общимъ предъидущимъ разсмотрѣніемъ — не болѣе.

Такимъ образомъ мы имѣемъ три между собою тѣсно связанные и въ то же время различные вопроса, имѣющіе каждый свои предположенія и представляющіи свои особенныя затрудненія: *найти смыслъ всего сущаго; найти законы мышленія; найти законы знанія.*

Предположенія, сюда входящія, особливо въ первую задачу, далеко превосходятъ средства науки и потому захватываютъ и область философіи. Если мы не будемъ исключать послѣднюю изъ нашего разсмотрѣнія, то можемъ объять все эти три задачи областью *логики* въ самомъ обширномъ ея значеніи; но, болѣею частью, все изслѣдователи, смотря по своей точкѣ зрѣнія, ограничивали эту область той или другой стороною, какъ болѣешая часть геометровъ до сихъ поръ ограничивалась тѣмъ или другимъ методомъ при разборѣ болѣеши части геометрическихъ вопросовъ.

Впрочемъ, тотъ ученый мыслитель, котораго имя стоитъ на первомъ мѣстѣ въ исторіи логики, какъ бы ни понимали этотъ терминъ, Аристотель, — положилъ основаніе разсмотрѣнію всехъ трехъ логическихъ вопросовъ, нами поставленныхъ: въ «*Метафизикѣ*» и въ «*Категоріяхъ*» (насколько ему можно приписать это произведеніе) онъ пробовалъ очертить основную философію — первую философію —, уясняющую смыслъ всего сущаго въ связи съ классификаціею естественныхъ предметовъ. Въ «*Первой Аналитикѣ*», въ книгѣ «*О выраженіи*» (мысли рѣчью), — и въ «*оникѣ*», частью въ связи съ книгою «*о душѣ*», онъ указалъ законы мышленія и ихъ связь съ прочими психическими процессами. Во «*Второй Аналитикѣ*» онъ преимущественно старался установить методы познанія различныхъ областей, доступныхъ знанію.

И эти отдѣльныя изслѣдованія Аристотеля тѣсно связаны въ его міросозерцаніи и въ его изслѣдованіи: центромъ этого міросозерцанія, какъ центромъ всехъ вопросовъ, онъ ставитъ *понятіе*. Оно, какъ видъ и какъ категорія, опредѣляетъ классификацію всего сущаго. Оно образуется изъ сужденій, утверждается и развивается въ силлогизмѣ, формулируется въ опредѣленіи. Оно же есть результатъ мыслящаго духа, послѣдней ступени души въ ея процессѣ развитія, начинающагося впечатлѣніями чувствъ. Оно же составляетъ цѣль, для которой различныя области знанія подвергаются изслѣдованію. При разборѣ процесса мышленія, Аристотель не терялъ изъ виду того, что этотъ процессъ *психологически* коренится въ чувственномъ ощущеніи, *философски* (или, пожалуй, *онтологически*) имѣетъ смыслъ лишь настолько, насколько мысли соотвѣтствуетъ реальный предметъ, а *практически* имѣетъ значеніе лишь какъ орудіе познанія истины.

Но онъ далеко не съ одинаковымъ искусствомъ обработалъ всѣ отрасли этого логическаго изслѣдованія, и далеко не всѣ части его логическихъ трудовъ имѣли одинаковое вліяніе на его школу. Время, когда жилъ Аристотель (IV вѣкъ до Р. Х.), было время самага зарожденія науки въ настоящемъ смыслѣ, и онъ, основатель теоріи понятія, долженъ былъ въ то же время искать классификацію для всего сущаго, искать методы добыванія истинныхъ понятій въ разныхъ отрасляхъ знанія и слѣдить за психическимъ процессомъ происхожденія понятій.

Первое было связано съ философскими построеніями и имѣло значеніе настолько, насколько философія обнимала всѣ науки. Но въ слѣдующемъ же вѣкѣ науки получили своихъ независимыхъ представителей: Евклидъ, Аполлоній, Архимедъ, Гиппархъ, Эразистратъ, Гіерофилъ ¹⁾ были не философы, а ученые. Они приступили къ опредѣленію смысла сущаго не вообще, а въ частной сферѣ, которой занимались, и опередили настолько философовъ въ пониманіи своихъ специальныхъ сферъ, что на долгое время *всеобщая* классификація сущаго, или смыслъ вещей, были оставлены. Правда, къ этому вопросу вернулись въ періодъ паденія наукъ, и Августинъ, Альбертъ Великій, Тома Аквинатъ не отказывали себѣ въ удовольствіи искать смыслъ всего сущаго съ узкой точки зрѣнія, на которой они стояли въ философскомъ отношеніи. Но это были жалкія попытки, въ которыхъ все, сколько-нибудь живое, было заимствовано отъ того же Аристотеля, а научныя пріобрѣтенія, совершенныя въ два вѣка послѣ Аристотеля, какъ бы не существовали. Декартъ, первый раціональный мыслитель новаго времени, противопоставилъ міръ протяженій міру мысли и тѣмъ самымъ поставилъ задачу классификаціи всей природы внѣ задачи теоріи мысли. Естествознаніе стало шире и шире охватывать своими классификаціями предметы реальнаго міра и своими законами его явленія, довольствуясь своими задачами и не думая искать ихъ связи съ теоріею мышленія. Къ концу XVIII вѣка оно уже такъ разрослось и получило такія прочныя основанія, что можно было уже говорить не о *наукахъ*, но о единой цѣльной *наукѣ*, а въ самомъ понятіи о ней заключался во-

¹⁾ См. для нихъ всѣхъ мой «Очеркъ исторіи физико-математическихъ наукъ».

прось о смыслѣ всего сущаго, — вопросъ, который и не замедлилъ представиться.

Но была другая сторона логическихъ трудовъ Аристотеля, то же потерявшая значеніе для его учениковъ и даже настолько забытая, что ее упускали изъ виду самые ревностные почитатели Аристотеля; зато, къ концу XVIII вѣка, она имѣла блестящихъ возродителей въ числѣ лицъ, которые считали себя противниками великаго стагирита и гордились этимъ отношеніемъ къ нему. Я говорю о практической сторонѣ логическихъ вопросовъ, о *теоріи знанія*. Съ особенною любовью, очевидно, разрабатывалъ Аристотель, въ своей «Второй Аналитикѣ», ученіе о методахъ для пріобрѣтенія точныхъ знаній; но упражненіе ума въ этомъ направленіи было такъ недостаточно въ его время, — средства, которыми онъ располагалъ, такъ ничтожны, что онъ самъ, въ своихъ ученыхъ трудахъ, весьма мало слѣдовалъ собственнымъ указаніямъ въ отношеніи тѣхъ пріемовъ, которыми должно было обезпечить себѣ вѣрныя свѣдѣнія и охранить себя отъ ошибокъ. Ученики его, болѣею частью (кромѣ Теофраста), вовсе неученые, совершенно уже пренебрегли его указаніями. Математики, астрономы, медики, алхимики, технологи, каждый въ своей сферѣ, вырабатывали методы удостовѣренія въ истинѣ полученныхъ ими результатовъ; но ученіе о научныхъ методахъ вообще не имѣло представителей. Въ XIII-мъ вѣкѣ францискаискій монахъ Роджеръ Бэконъ первый сталъ говорить объ этомъ ученіи, посвящая на нѣ труды, въ которые онъ внесъ результатъ многолѣтнихъ размышленій и наблюденій, вызвавшихъ противъ него преслѣдованія, продолжавшіяся почти до самой его смерти. Еще съ болѣею энергіею и, главное, съ болѣею авторитетомъ, сталъ проводить въ XIV вѣкѣ ту же мысль знаменитый сомнитель и соотечественникъ несчастнаго францисканца, канцлеръ Фрэнсисъ Бэконъ, и его «Новый Органонъ» сдѣлался основою для многоразличныхъ комментаріевъ на ту тему, что Аристотель и его ученики были совершенно чужды научному методу, что надо противопоставить устарѣвшему собранію логическихъ трудовъ Аристотеля, его «Органону», новую Бэконовскую логику, имѣющую въ виду указать ученымъ методъ дѣлать новыя, точныя открытія и классифицировать свои познанія. Рядомъ съ этою

блестящею теорією наукъ, важный логическій трудъ Декарта, его рѣчь «о методѣ» осталась какъ бы исключительно принадлежащею области философіи и не обратила на себя достаточно вниманія ученыхъ. Пьютонъ, въ нѣсколькихъ страницахъ своихъ «Математическихъ началъ естествознанія» далъ нѣсколько строгихъ теоремъ научной логики. Мысль, какъ орудіе науки, стала въ школѣ Бэкона на первое мѣсто; французскіе просвѣтители съ жаромъ ухватились за эту точку зрѣнія; предисловіе д'Аламбера къ большой «Энциклопедіи» было прославленіемъ Бэконова взгляда. Въ гениальныхъ трудахъ Пьютона видѣли приложеніе этого взгляда, и въ концѣ XVIII вѣка въ Англіи и во Франціи эта *логика наукъ* была господствующимъ воззрѣніемъ у главнѣйшихъ представителей мысли. Впрочемъ, не смотря на большое вліяніе, пріобрѣтенное этимъ взглядомъ на требованія логики, должно сознаться, что его приверженцы ограничивались требованіемъ и не выставили ни одного замѣчательнаго труда, который заключалъ бы методологію наукъ сообразно ихъ развитію въ концѣ XVIII вѣка. «Новый Органонъ» и прочіе труды Фрэнсиса Бэкона все оставались самымъ прославленнымъ литературнымъ представителемъ этого направленія, а Бэконъ стоялъ по научнымъ свѣдѣніямъ ниже многихъ, даже изъ своихъ современниковъ; въ XVIII-мъ же вѣкѣ легко было указать ошибочность его приемовъ и прослѣдить въ его сочиненіяхъ недостатки, которые служили существеннѣйшими обвиненіями противъ Аристотеля, жившаго за 2,000 лѣтъ ранѣе.

Въ школахъ господствовало безъ соперниковъ третье направленіе логическихъ трудовъ Аристотеля, но не такъ, какъ оно выходило у него изъ требованій философской системы, а такъ, какъ выработался взглядъ на требованія логики въ періодъ комментаторовъ Аристотеля, пользовавшихся его трудами въ ихъ самой легкодоступной формѣ, а вовсе не проникавшихъ въ глубину его теорій.

Всего легче было Аристотелю разрабатывать *теорію мышленія* изъ готовыхъ сужденій. Для этого не нужно было ни фактическихъ знаній, которыхъ нельзя пріобрѣсти разомъ при самомъ обширномъ и гибкомъ умѣ, ни точныхъ наблюденій, для которыхъ нужна сноровка. Поэтому Аристотель разработалъ классификацію сужденій и подведеніе частныхъ сужденій подъ общіе, или теорію силлогизмовъ,

съ тѣмъ мастерствомъ, которое поставило эти отдѣлы его трудовъ, по точности и строгости, наряду съ лучшими результатами древней математики и оставило въ этой сферѣ весьма мало труда его ученикамъ. Но эти куски имѣли значеніе не сами по себѣ, а лишь въ цѣломъ: сужденія опирались на реальныя наблюденія, имѣли въ виду цѣльное понятіе, были связаны съ психологическимъ процессомъ развитія ощущенія въ мысль. Силлогизмы были практическою частью теоріи понятія. Они *предполагали* приобрѣтенное понятіе, опирающееся на многочисленныя частныя сужденія, почерпнутыя изъ реальнаго міра и формулированныя въ послылки. Они имѣли въ виду опредѣленіе. Лишенные этой обстановки, силлогизмы теряли всякое значеніе, дѣлались упражненіемъ разсудка надъ словами, лишенными содержанія. — Но именно это и произошло. Въ школахъ послѣдняго періода древняго міра родилась *формальная логика*, составленная изъ этихъ обрывковъ Аристотеля, лишенныхъ значенія. Понятіе, самый трудный и сложный результатъ мышленія, предполагалось даннымъ; изъ понятій составлялись сужденія, причемъ истина сужденій и даже ихъ возможность не оцѣнивалась, такъ какъ для этого пришлось бы обратиться къ реальному міру; сужденія классифицировались; затѣмъ изъ нихъ составлялись силлогизмы, и игра въ силлогизмы составляла высшій практическій результатъ этого школьнаго метода. Эта формальная логика могла очень удобно употребляться въ школахъ; она служила упражненіемъ въ языкѣ, развивала мысль въ той тѣсной сферѣ, которая могла быть обнята словеснымъ доказательствомъ безъ обращенія къ реальному міру, приносила свою долю педагогической пользы (впрочемъ, несравненно меньшую, чѣмъ геометрія и алгебра); но научное значеніе ея было совершенно ничтожно, потому что даже теорію мышленія она вовсе не охватывала.

Въ самомъ дѣлѣ, *теорія мышленія* требуетъ разбора вопроса: какъ происходитъ мысль, начиная съ перваго мгновенія, гдѣ она создается въ формѣ представленія, до того мгновенія, когда она дѣлается достояніемъ ума, какъ упорное убѣжденіе, которое мы всегда готовы, съ одной стороны, выставить, какъ основаніе для ряда аргументовъ, направленныхъ къ новымъ выводамъ; съ другой стороны, разложить на основныя элементы, оправдывающіе нашу мысль въ

томъ видѣ, какъ она въ насъ составилаь: какъ вѣрованіе, какъ вѣроятное мнѣніе, какъ сомнѣніе, какъ безусловное отрицаніе или утвержденіе. Очевидно, что классификація сужденій и теорія аргументаціи играютъ здѣсь весьма маловажную роль. Вся же теорія мышленія входитъ элементомъ въ психологію и предполагаетъ теорію образованія представленій, теорію тѣхъ духовныхъ состояній, которыя мы называемъ вѣрованіемъ, сомнѣніемъ, убѣжденіемъ; наконецъ, она немыслима безъ постоянного удержанія въ виду реальнаго міра, содержащаго всѣ предметы мысли.

Въ сочиненіяхъ различныхъ мыслителей новаго времени, начиная съ Декарта, особенно у Локка и его послѣдователей, эта часть теоріи мышленія, необходимая для дополненія и исправленія формальной логики, нашла себѣ много частныхъ приобрѣтеній, особенно въ связи съ психологическими изслѣдованіями, и эти труды, съ своей стороны, болѣе и болѣе выказывали недостатокъ формальной логики для всякаго внимательнаго наблюдателя. Но до конца XVIII вѣка не было ни одного сочиненія, которое надлежащимъ образомъ обняло бы эту задачу и, давъ формальной логикѣ психологическую основу, сдѣлало бы изъ этой рутинной принадлежности школъ научную теорію.

Конечно, формальная логика пыталась сдѣлаться научною и заимствовать для себя пищу изъ движенія, происходившаго около нея въ мірѣ науки. Методологія и систематика входили иногда въ ея программу; съ другой стороны, она пыталась иногда проникнуть изъ міра своихъ первыхъ данныхъ, понятій, въ міръ представленій. Не безъ того было, чтобы рядомъ съ силлогизмами не упоминалось о наведеніи (индукціи), которое составляло предметъ такого прославленія у почитателей Бэкона. Но легко было видѣть, что это были приставки, вносившія въ систему чуждый элементъ реальнаго міра, тогда какъ формальная логика хвалилась тѣмъ, что она есть наука чистыхъ *формъ* мышленія, обнимающихъ *всякое* содержаніе, по тому самому разсматриваемыхъ въ ней безъ всякаго содержанія, подобно алгебраическимъ величинамъ ¹⁾. Эти приставки были не раз-

¹⁾ Что не вѣрно, такъ какъ алгебраическія величины имѣютъ весьма опредѣленное содержаніе, обладающее невыдѣльнымъ свойствомъ: это собранія равныхъ единицъ или совокупности подобныхъ собраній.

витіе прежняго, а нѣчто совсѣмъ иное, и лишь перестроивъ совершенно планъ логики, можно было имѣть дасть въ ней раціональное мѣсто. Но формальная логика имѣла за себя рядъ учебниковъ, долго обдуманыхъ, привычныхъ, отдѣланныхъ въ частности. Новыя требованія проявились лишь въ формѣ порицаній стараго, частныхъ вопросовъ, но не представляли даже попытокъ къ систематической обработкѣ науки. Не мудрено, что формальная логика оставалась при своей рутинѣ, и что движеніе европейской мысли какъ будто до нея не касалось.

Таково было положеніе логическихъ трудовъ, когда Кантъ, въ предисловіи къ «Критикѣ чистаго разума», сказалъ, что со временъ Аристотеля логика не смѣла сдѣлать ни шагу назадъ и не могла сдѣлать ни шагу впередъ. Оказывается, что это въ обоихъ отношеніяхъ не вѣрно: тотъ кругъ изслѣдованій, который входилъ въ логическіе труды Аристотеля, значительно разросся, но въ областяхъ, которыя не принято было включать въ сферу логики. То же, что называли логикой, т. е. формальная логика, совсѣмъ удалилось отъ Аристотелевской точки зрѣнія и сдѣлало огромный шагъ назадъ, сравнительно съ его обработкой.

Изъ трехъ областей, которыя, всѣ вмѣстѣ, составляютъ полный кругъ логическихъ изслѣдованій, *теорія вещей*, какъ онѣ есть (объективная, реальная, философская логика, онтологія), перешла въ спеціальныя науки, и главная, господствующая философія (философія просвѣтителей) отказалась отъ осмысленія научныхъ пріобрѣтеній, возводила ихъ въ высшее цѣлое: она сдѣлалась слугою спеціальныхъ наукъ, популяризируя ихъ частныя теоріи. *Теорія мышленія* (объективная, психологическая логика) не представляла ничего цѣлаго, но была подготовлена раздѣльными кусками въ трудахъ психологовъ и мыслителей, и въ единственной разработанной своей части, въ *формальной логикѣ*, впала въ игру словами. *Теорія наукъ* (прикладная логика) представляла цѣль желаній, о которой болѣе говорили, чѣмъ что-либо для нея дѣлали, если не считать спеціальныхъ трудовъ въ разныхъ наукахъ,—трудовъ, представлявшихъ превосходнѣйшіе образцы методовъ; но это были *данныя* этого отдѣла логики, а не ея результаты; всего болѣе было сдѣлано для классификаціи наукъ.